

Не упрощай оружие

Дмитрий Rogozin объявляет начало новой индустриализации

Сергей Птичкин, Александр Шансков, Сергей Савостьянов

Какое новое оружие пополнит арсеналы страны? Пустят ли частный капитал на секретные заводы? Какие перемены ждут российский космос? Где будут собирать прорывные идеи для ОПК? На эти и другие острые вопросы по оборонке на "Деловом завтраке" в "Российской газете" ответил заместитель председателя правительства РФ и председатель Военно-промышленной комиссии Дмитрий Rogozin.

Ответ стальным кулаком

Сложилось стереотипное мнение, что в создании нового оружия мы безнадежно отстали от Запада. Есть ли у нас военные ноу-хау мирового уровня?

Дмитрий Rogozin: У нас были и остались разработки, в которых мы не только на уровне, но и "впереди планеты всей" - например, по системам перехвата в воздушно-космическом пространстве. У нас самые лучшие по совокупности своих характеристик системы ПВО типа С-300П и С-300В, сейчас поступают на вооружение еще более мощные комплексы С-400, идут работы над С-500. Все это системно включается в Воздушно-космическую оборону. Стоит добавить, что там же, в ВКО, стоят на постоянном дежурстве РЛС дальнего обнаружения, которые видят за тысячи километров и обрабатывают самые малоразмерные цели, летящие с космическими скоростями. Аналогичных примеров можно привести много.

Это стратегическое направление защиты. А в обычных вооружениях?

Дмитрий Rogozin: И здесь есть чем гордиться. По общему признанию, ПВО Сухопутных войск, наверное, одни из лучших в мире по оснащению и организации. Идут испытания прототипа истребителя пятого поколения. Есть очень интересные проекты в боевом кораблестроении.

Мы несколько отстали по гиперзвуку, но совсем недавно в этом направлении наметился серьезный прорыв. И я лично держу эту тему под пристальным контролем. Недавно мы с министром обороны Анатолием Сердюковым посетили одно из оборонных предприятий в Зеленограде, где нам показали новые цифровые радиостанции для армии. Это изделия мирового уровня.

Бытует мнение, что затраты на ОПК - чистая потеря денег, которые можно было пустить на реальное развитие экономики.

Дмитрий Rogozin: Деньги любят тишину. Чтобы страна могла спокойно развиваться, надо создать для нее абсолютно безопасное окружение. Это задача, которая решается нами в первую очередь. Вторая задача - наращивание потенциала промышленности. Создание новых рабочих мест, как сказал Владимир Путин, 25 миллионов высококвалифицированных рабочих мест. Это разве не экономика? Каков будет вклад оборонки? Думаю, очень значительный, может быть, две трети.

И третий момент - подъем престижа страны. Опираясь на свой опыт работы в Брюсселе, скажу, что smart power и soft power - хорошие, правильные слова, но настоящий "power", с чем действительно считаются, это сила физического воздействия, когда есть вероятность получить в глаз стальным кулаком. Это та сила, которая ценится в так называемом "цивилизованном мире", поверьте мне, больше всего. Надо научиться двигать локтями и плечами, но двигать ими не просто ради движения, а по уму, преследуя свои выверенные стратегические цели.

Только физически сильная страна позволяет реализовывать свои экономические возможности в полной мере. Как ведут себя американцы? Они высаживают морскую пехоту за тридевять земель от США не потому, что большие забияки и драчуны, не для решения неких "гуманитарных задач", а всегда и только для обеспечения своих экономических интересов.

У нас нет военно-экспедиционных планов в отдаленных местах планеты. Россия - сама по себе целая планета, с талантливым, но не всегда дружным и организованным народом, огромными запасами земли, леса, пресной воды, полезных ископаемых. Вокруг нас моря и океаны. Это все наше, и нам это надо уметь защищать.

Пулеметы Максима не понадобятся

Что подразумевается под новой индустриализацией страны по аналогу 1930-х годов?

Дмитрий Rogozin: Подразумевается создание промышленной индустрии нового уровня. А почему по аналогу тридцатых? Тогда мы брали все лучшее на Западе и адаптировали применительно к

своим условиям. Наверное, и сейчас нам предстоит пройти схожим путем. И зачастую речь идет уже не о реконструкции имеющегося, а о строительстве новых заводов на новых местах.

Возьмем, к примеру, оружейное производство. "Ижмаш" - завод, на котором, по его размерам, наверное, можно было бы строить авианосцы, а там производят только автоматы Калашникова. Огромные цеха, в которых не видно потолка, надо обогревать почти круглый год. Мало кто знает, но при проектировании и строительстве этого завода-гиганта закладывалась возможность выпускать совсем другую продукцию, а вовсе не автоматы и пулеметы.

Чтобы провести новую индустриализацию, а только благодаря ей можно создать современное оружие, надо все минимизировать, надо все, что есть у нас ценного, аккуратно собрать и рационально сконцентрировать. Пришло время интегрированных структур. И когда они появятся, то надо сразу и безжалостно выбросить все старье, давно отжившее свой век. А попутно с закупками новых "станков для производства" создать производство "станков для производства станков" - то есть восстановить в России собственное станкостроение.

Есть вопросы по мобилизационным резервам. Известно, каким грузом мобрезервы давят на предприятия. Как быть?

Дмитрий Rogozin: Это действительно та задача, с решением которой мы явно затянули. Мобилизационные мощности предприятий всегда считались "священной коровой" оборонки, которую нельзя доить ни при каких условиях. И получилось, что практически все заводы, входящие в ОПК, делятся на две части. Половина кое-как работает, а вторая - просто закрыта на амбарный замок.

Для чего годны нынешние мобилизационные мощности? Для того чтобы в случае начала третьей мировой войны начать выпускать оружие времен... Первой мировой. Не удивляйтесь. Станочный парк и технологические линии мобилизационных резервов - это порой уровень еще 30-х годов прошлого века. Вот почему мы приступили к выработке совершенно новой мобилизационной политики. Современные войны будут скоротечны и связаны с нанесением противнику непоправимого ущерба прежде всего в экономике. Вот почему требуется обладать возможностью в особый период ускоренно и расширенно выпускать только ту продукцию, которая нужна войскам и прописана в Государственной программе вооружения и текущем оборонзаказе.

Пулеметы Максима нам вряд ли понадобятся. Надо не резервировать цеха и закрывать их на замок, а делать так, чтобы станки и технологические линии, работающие в одну-две смены, в случае необходимости, смогли работать без потери качества в три смены.

Какая сумма из заявленных на закупку вооружений 20 триллионов рублей достанется промышленности?

Дмитрий Rogozin: Практически все и достанется. В любом случае эти деньги пройдут через производство и науку: на оплату научных исследований, опытно-конструкторских работ, закупку самого вооружения. Прибыль уйдет собственно в доход предприятий. Кроме этого промышленность получит дополнительно три триллиона рублей на обновление производственных фондов и технологий.

Но наша задача не в том, чтобы вложить деньги в "военное железо", которое со временем придется вновь утилизировать, а, наоборот, с помощью трансферта военных технологий в гражданские за счет оборонных расходов раскрутить всю промышленность и создать новые высококвалифицированные рабочие места. Именно так ставит задачу президент: оборонная промышленность должна стать катализатором новой индустриализации страны.

Если Россия соскочит с нефтегазовой иглы и станет промышленной, индустриальной державой, это как раз то, что нам нужно. И этот шанс мы не имеем права пропустить.

С чем связана череда аварий с пусками наших ракет, которые всегда считались одними из самых надежных в мире? Что делается, чтобы выйти из критической ситуации?

Дмитрий Rogozin: Это результат технической отсталости ряда предприятий космической отрасли, потери и старения кадров и недостаточного контроля качества готовых изделий. Но нельзя лечить фурункулы на теле космической промышленности путем устранения отказов каких-то отдельных систем, из-за которых ракеты не выходят на расчетные орбиты, не понимая, что аварии - это следствие более глубоких проблем.

Дмитрий Анатольевич Медведев высказал большие претензии в адрес руководства Роскосмоса, и они абсолютно справедливы. По итогам совещания у премьера приняты важные решения по управлению качеством продукции отрасли.

Кроме того, дано поручение совместно с независимыми экспертами правительства в течение двух месяцев разработать и представить руководству страны предложения по архитектуре управления космической отраслью, включая организационно-правовой статус самого Федерального космического агентства.

Надеюсь, наши эксперты посмотрят на проблемы свежим взглядом, составят рекомендации, на основе которых и будет принято взвешенное и свободное от чиновничьего лоббизма решение.

С другой стороны, Роскосмос тоже подготовит свою программу выхода из кризисной ситуации. Через два месяца мы соберемся, обсудим все варианты и примем окончательное решение. Должны быть четкость, ясность в голове, архитектура целей, единый технический замысел, как этих целей достичь.

Это единственный вариант, который мы можем предложить сейчас.

Пазл для подлодки

Могли бы вы объяснить, почему подводные корабли, которые давным-давно должны стоять на боевом дежурстве, в состав ВМФ так и не вошли?

Дмитрий Рогозин: Для того чтобы они сдавались вовремя, опытно-конструкторские работы по агрегатам и оружию должны были идти опережающими темпами. Что я имею в виду? Завод сдал первую стратегическую АПЛ типа "Борей". Ее сдали как лодку-носитель стратегического ракетного оружия. Логично, что АПЛ должна сразу становиться во флотский строй. Однако вместо этого мы вынуждены подводный атомный корабль использовать в качестве какого-то доводочно-испытательного стенда.

Мы на ней отрабатываем сначала пуски "Булавы". Теперь отрабатывается система управления ракетным оружием, доводятся до рабочего состояния отдельные агрегаты самой лодки. Получилось, мы сделали лодку-носитель современного оружия, а самого оружия нет, да и с отдельными комплексами АПЛ не все пока в порядке. Такого не должно быть в принципе. Это отзвуки девяностых годов.

Все системы, агрегаты, включая оружие, должны пройти госиспытания до того, как сама лодка будет изготовлена. Тогда все будет собрано как пазлы, и единая боевая система войдет в состав флота без проблем.

Президент Владимир Путин собирал нас в Северодвинске 30 июля. Специалисты ведущих институтов, работающие по тематике ВМФ, например, института им. Крылова из Санкт-Петербурга, предложили изменить саму систему планирования создания таких сложных систем, как атомные подводные крейсера. С тем, чтобы шли опережающие научно-исследовательские и конструкторские работы по комплектующим. Мы это предложение приняли.

Уверен, в будущем наши боевые корабли - подводные и надводные станут сдаваться строго по намеченному графику, без особых проблем.

Дорога частному капиталу

Пускать ли частника в оборонку? Как частному капиталу там работать, заранее зная, что это будет себе в убыток? Есть и такое мнение: частника к военным секретам допускать нельзя по определению.

Дмитрий Рогозин: Действительно, здесь проблемы, можно сказать, диалектического противоречия единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, мы прекрасно понимаем, что без энергетики, которая заложена в частном бизнесе, нам вряд ли удастся решить те задачи, которые мы перед собой поставили. С другой стороны, понятно, что есть вещи и технологии, работать с которыми могут только госструктуры, находящиеся под очень жестким режимным контролем.

Где частнику может оказаться работать выгодно? Там, где есть двойные технологии. А они есть на очень многих предприятиях ОПК. Мы заинтересованы в трансфере технологий от гражданских к оборонным, и наоборот.

Возьмем, к примеру, гиперзвук. Это прежде всего боевые быстролетающие ракеты, которые сбить практически невозможно. Но это и возможность создания в будущем пассажирских самолетов принципиально новых поколений. Были, например, сверхзвуковые "Конкорды" и Ту-144. А будут и

гиперзвуковые, на которых из Москвы на Дальний Восток можно будет долететь, скажем, за полтора часа.

Чтобы привлечь частный бизнес, необходимо давать ему постоянную и надежную информацию: где в нем нужда, каковы условия его участия, каковы гарантии, если опытные образцы будут им разработаны за его деньги и риск, что будет с результатами интеллектуальной деятельности, правами на нее, будут ли они отобраны государством, или он получит бонусы за свои изобретения. Сейчас при ВПК мы создаем совет по государственно-частному партнерству, куда приглашаем и тех, кто уже работает в оборонном комплексе, и тех, кто раздумывает, но теоретически мог бы туда пойти.

Частники в оборонке уже работают?

Дмитрий Рогозин: Такие примеры есть. Например, РТИ-системы, которое акционировано частным капиталом. И при этом оно интегрировано в глубокую промышленную кооперацию по созданию систем ПВО и ПРО. Так вот, на этом частном научном предприятии создаются настолько прорывные элементы системы ВКО, что его руководитель был удостоен высокой государственной награды.

Есть более приземленный, но не менее уникальный пример. В Москве группой частных предпринимателей с нуля создан завод высокоточных оружейных систем, на котором выпускается стрелковое оружие мирового уровня. Нашли пустующее помещение, выкупили его, закупили за границей лучшие технологические линии. Привлекли в свое КБ ведущих разработчиков нарезного оружия и грамотных технологов.

В итоге создали не только прекрасные охотничьи, но и боевые снайперские винтовки, которые по важнейшим характеристикам превосходят все европейские образцы. Это действительно XXI век. Новейшая система нарезки ствола, затворный механизм, все это оригинальное, свое. Сейчас они работают над короткоствольной полицейской снайперской винтовкой. Уверен, у них все получится. Между прочим, создание промышленного производства оружейных систем в Москве в какой-то мере шло по тому же пути, по которому строились промышленные гиганты первых пятилеток СССР, когда за базовую основу брались западные технологии.

DARPA - перевод на русский

Когда будет создан аналог американского агентства DARPA, которое собирает все инновационные идеи для Пентагона?

Дмитрий Рогозин: Проблема у нас еще с советских времен была и осталась в отсутствии прочной связи между фундаментальной наукой, прикладными исследованиями и промышленностью. Как сейчас сказали бы, с "внедрением инноваций в рынок". Сколько было примеров того, как по-настоящему гениальные разработки советских ученых в полной мере реализовывались на Западе или в Японии. И ситуация с тех пор особенно не изменилась. Дальше так продолжаться не может.

Поэтому мы создаем отечественный Фонд перспективных исследований - тот самый аналог американской DARPA. Сейчас мы провели в Думе первые чтения законопроекта по этому фонду. Думаю, до конца года пройдем законодательный путь, и фонд начнет работать. Он будет заниматься и обеспечением фундаментальных исследований, и венчурными разработками. Заложим туда все деньги, которые нам выделены, но размазаны как каша по тарелке, по разным научным программам. Мы их сконцентрируем и, надеюсь, сможем очень быстро нарастить реальный потенциал "фундаменталки", связав ее наконец-то с прикладными исследованиями, а прикладные переложим уже на конкретные технологические наработки в интересах обороны.

Я сам себе отвел для реализации этого проекта три года. Если за три года все, что задумано, сделаем, то та самая новая индустриализация, о которой шла речь в начале нашего разговора, не только пройдет успешно, но и принесет плоды, о которых сегодня мы даже не мечтаем. Может произойти настоящая научно-техническая революция. У нас столько прорывных идей где-то в загашниках спрятано, что если даже малую их часть реализовать, то произойдет действительно качественно-революционный скачок в развитии России.

Родом из оборонки

Как получилось, что вы пришли в ОПК, если по образованию - чистый гуманитарий?

Дмитрий Рогозин: Вся наша семья из оборонки, и весь наш род в той или иной мере связан со служением Отечеству. Мой отец, который умер два с половиной года тому назад, до выхода в

отставку был первым заместителем начальника службы вооружений Министерства обороны СССР и закладывал первую программу вооружения 1980 года, был ее автором.

Было очень приятно, когда во время моего визита в Самару на двигателестроительное предприятие имени Кузнецова, мне там вручили большую фотографию: летит наш "Белый лебедь" - стратегический бомбардировщик Ту-160, туполевский красавчик, и сверху написано: "Председатель Госкомиссии по приемке Олег Rogozin".

У меня и дед авиационный инженер, прадед - один из первых директоров авиационных заводов, был летчиком, в Первую мировую воевал, его отец, мой прапрадед, был полицмейстером Москвы от армейской пехоты, так что у меня в роду были и военные, и инженеры. Гены свою роль, наверное, сыграли. У меня и сын в оборонке, и сестра авиационный инженер, ее муж тоже.

Почему же вы пошли учиться на журналиста?

Дмитрий Rogozin: Видимо, какой-то внутренний протест был. Отец говорил: куда, какие журналисты? Иди в МАИ! Конструктором станешь. Но то было время накануне перестройки, общество уже ждало великих перемен. Я исключением не стал. Во мне возник тот самый внутренний протест. Почему я должен, как и все в нашем роду, быть либо военным, либо инженером? Я твердо сказал родителям: нет, пойду учиться на журналиста. Почему именно на журфак? А я всегда был общительным человеком, мне было интересно знакомиться с самыми различными людьми, рассказывать другим о чем-то совершенно необычном.

Но судьбу не обманешь. И она потом меня очень аккуратно подвела к делам военным и промышленным. У меня и кандидатская, и докторская диссертации были с военным уклоном. Я даже спецкурс в Академии Генштаба читал. Потом с отличием закончил экономический факультет. Затем составил самый подробный глоссарий военно-политической и военно-технической терминологии. Потом четыре года работа послом России в "логове" НАТО - это мощнейший "университет", где я глубоко погрузился в военные и военно-технические вопросы. И так аккуратно докатился до своего нынешнего положения. Так что филолог я лишь по первому своему образованию, за ним были и другие.

Журналистом пришлось поработать?

Дмитрий Rogozin: Нет, но журналистскую практику я проходил в "Комсомольской правде", когда учился на 3-м курсе. В газете был замечательный молодежный раздел, назывался "Алый Парус". 1983 год, мы сбили южно-корейский самолет, помните? Нас Рейган назвал "империей зла", а я сидел и разбирал письма советской молодежи в адрес президента США. Мы их аккуратно связывали и отправляли в Вашингтон. Правда, не знаю, дошли они до адресата или нет.

Я читал те письма и на всю жизнь запомнил стихок: "Не грози, Рейган, ракетами, не пугай народ войной, нашей силы, знай, достаточно, чтоб расправиться с тобой! В тисках огней, огней мучений умрешь от адских излучений".

Ваш сын не стал протестовать и сразу выбрал профессию инженера. Почему? И как складывается его карьера?

Дмитрий Rogozin: Сын Алексей окончил Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. Специализировался на теме кибербезопасности. Стал интересоваться оружием. Когда я уехал в Брюссель, он устроился на работу в одну из крупных промышленных компаний - замгендиректора оружейного завода в Москве. Подчеркиваю: был обычным наемным специалистом. Помогал ли я ему и его товарищам? Да, помогал. Подсказывал, на каких предприятиях Запада можно почерпнуть интересный опыт производства стрелкового оружия, поскольку я, работая при НАТО, это знал.

Тут я возвращаюсь в конце прошлого года в Москву, меня назначают на должность, прямо связанную с ОПК, с оборонными заказами. Сразу в прессе возникли спекуляции на тему: Rogozin-старший лоббирует интересы компании, в которой работает его сын.

Мы с Алексеем обсудили возникшую ситуацию очень серьезно. Ведь фактически получалось, что я не помогал своему сыну, а только мешал и ему, и тому предприятию, где он работал. Какие бы прекрасные винтовки там ни создавали, любая госзакупка этого оружия вызвала бы кривотолки: вот, мол, лоббирование семейных интересов в чистом виде.

И мы с ним договорились, что коль так ситуация сложилась, он уйдет из частного бизнеса. Алексей решил пойти работать на государственное казенное предприятие, технически отсталое и с тяжелым

шлейфом предыдущего руководства. Он уехал в Алексин Тульской области. Там есть предприятие, специализировавшееся на выпуске порохов. Точнее - руины бывшего производства. Сначала он там работал заместителем исполнительного директора, сейчас возглавляет его. Завод убыточный, весь в долгах как в шелках. Но Алексей сказал, что хочет доказать мне, самому себе и всем остальным, что он человек - самодостаточный, что сможет вытянуть предприятие из той ямы, куда оно рухнуло. Надеюсь, у него получится.

Вместе с ним в Алексин уехала группа молодых ребят, таких же дерзких и "сумасшедших", как он. Они увлечены своим делом и пашут по двадцать четыре часа в сутки.

У нас ругают молодежь, считают ее потерянным поколением. Но среди людей в возрасте от двадцати до сорока, то есть ставших на ноги уже в новой России, есть много толковых специалистов с хорошей технической подготовкой, которые могут горы свернуть. Их надо поддерживать, продвигать во властные структуры - тогда мы действительно справимся со всеми задачами. На недавнем заседании Совета безопасности было принято решение поддержать идею, родившуюся в ВПК, о создании кадрового резерва для российской оборонки. Будем искать талантливых и увлеченных людей, особенно молодых. В том числе из частного бизнеса.

Виртуальное общение и реальные дела

Вы активный автор сети "Твиттер" и "Фейсбук". У вас много читателей. Для чего это вам нужно, и как вы относитесь к оскорбительным высказываниям, которых в ваш электронный адрес поступает немало?

Дмитрий Рогозин: Я использую социальные сети как личное средство массовой информации - источник, через который я могу сказать то, что считаю необходимым и важным для моих подписчиков. Если говорить о ругани в свой адрес, то порой мне кажется, что ее сочиняет какой-то запрограммированный робот - настолько оскорбления бываюти похожи. К тому же они все анонимные. Послания анонимов я не читаю. Мне интересно мнение реальных людей, а не анонимных роботов.

Уточните для наших читателей: что вы непосредственно курируете и за что отвечаете в правительстве?

Дмитрий Рогозин: "Росатом", Роскосмос, оборонно-промышленный комплекс, в котором 1353 предприятия, отвечаю в правительстве за военно-техническое сотрудничество, плюс я возглавляю комиссии по экспортному контролю, по банкротству оборонных предприятий, военно-промышленную комиссию при правительстве, Государственную пограничную комиссию, Морскую коллегию России, член других комиссий, плюс отвечаю за отношения с Китаем, Индией, Индонезией, Бельгией, Молдовой, спецпредставитель по Приднестровью, возглавляю группу по созданию технической основы воздушно-космической обороны, группу по взаимодействию с НАТО в области противоракетной обороны. Отвечаю за ДОСААФ, за техническое оснащение МЧС, МВД, Росграницы. Являюсь первым заместителем председателя оргкомитета "Победа", руководителем Оргкомитета по подготовке торжеств в связи с 70-летием победы в Сталинградской битве. Но это все взаимосвязано, если строить работу по единой логике. Можно коротко сказать: все, что связано в правительстве с обеспечением технической основы для национальной обороны и безопасности, - зона моей персональной ответственности.

В правительстве у вас есть своя интернет-приемная. Люди жалуются, что они долго ждут ответа. Доходят ли до вас их письма и пожелания?

Дмитрий Рогозин: Все поступающие в интернет-приемную письма внимательно рассматриваются моими сотрудниками. Если предлагаются какие-то интересные идеи, то их мне, конечно, докладывают. Писем поступает очень много, тысячи, процесс обработки занимает довольно большое время. Поэтому, наверное, у кого-то складывается впечатление, будто их не читают. Отвечаю через вашу газету: читают очень внимательно. Прочитаем мы и те письма-вопросы, которые поступили в "Российскую газету" во время нашей встречи. Спасибо.